

МИХАИЛ БАЙКОВ

Скульптор жизни

ТОМ II

Михаил Байков
Скульптор жизни. Том II

«Издательские решения»

Байков М.

Скульптор жизни. Том II / М. Байков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969600-7

Продолжение романа об удачливом политике Михаиле Божесове. Что плохого в желании власти и влияния? Эдуард Баникин — успешный топ-менеджер федерального банка. Он хорошо образован, имеет недвижимость в Европе, а главное — дружит с чиновником администрации Елизаветой Орловой. Однажды сильные мира сего выбирают Баникина представителем России в экономическом заговоре... Неожиданный поворот меняет все, а жизнь мира, страны и самого Баникина с Орловой становится другой... Может, к этому причастен Божесов?

ISBN 978-5-44-969600-7

© Байков М.

© Издательские решения

Содержание

Скульптор жизни	6
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	11
Глава V	14
Глава VI	16
Глава VII	19
Глава VIII	22
Глава IX	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Скульптор жизни Том II

Михаил Байков

*Посвящается
Марине Николаевне Соловьевой*

© Михаил Байков, 2020

ISBN 978-5-4496-9600-7 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-9601-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скульптор жизни

Том II

Часть первая

Глава I

Тяжелый день двигался к своей кульминации. Заседание Государственной Думы, призванное определить новый состав топ—менеджеров Федерального Банка, началось, и кандидаты на должность Председателя и рядовых членов Совета директоров более часа распинались перед свежими и полными сил слугами народа. Эдуард Баникин умиротворенно ожидал своей очереди. С балкона на него смотрела Елизавета Николаевна Орлова – руководитель Управления кадровой политики Администрации Президента, – которая и пролоббировала кандидатуру Эдуарда в Помощники Председателя Банка по международному сотрудничеству. Необходимый опыт в этой сфере у 37-летнего Эдуарда был, а дружба с человеком, управляющим назначением всех государственных служащих федерального уровня, должна была сыграть окончательную роль в его судьбе.

– Эдуард Михайлович Баникин является президентским кандидатом на должность Помощника Председателя Банка по международному сотрудничеству, попросим его выступить, – пригласил Эдуарда к трибуне Спикер.

Под покровительственным взглядом Орловой Эдуард поднялся на трибуну.

– Уважаемые депутаты, дорогие друзья, добрый день! В первую очередь хочется поблагодарить Президента, предложившего мою кандидатуру на должность Помощника Председателя Федерального Банка России по международному сотрудничеству. В случае положительного решения этого вопроса я готов сделать все для вывода отечественных банков на новый, международный уровень... Как вам, наверное, известно, у меня есть опыт работы в этой области – я четыре года возглавлял департамент Банка по международным связям. За этот срок мне удалось ознакомиться с особенностями работы с иностранными партнерами и в целом приобрести значительный опыт. Напомню вам, что Президент в своем первом послании (в этих же стенах, кстати) говорил о необходимости повышения конкурентоспособности российских банков на современном мировом рынке. Пути достижения этой цели есть, и они были представлены мною на итоговом заседании Федерального Банка три месяца назад еще в качестве начальника департамента... Также хочется отметить готовность ряда иностранных частных и государственных банков сотрудничать с нашими, в том числе и в инвестиционной политике. Думаю, я устраю всех на этой должности... А самое главное, я единственный кандидат, – все толсто засмеялись.

– Спасибо, Эдуард Михайлович... Коллеги, у кого—нибудь вопросы возникли? – обратился Спикер.

В центре зала загорелся сигнальный огонек.

– Виктор Андреевич, пожалуйста, – кивнул Спикер.

– Спасибо... Эдуард Михайлович, у меня к вам чисто символический вопрос, раз уж вы единственный кандидат... Но все же скажите, не смущаетесь вашим возрастом и считаете ли вы, что сможете справиться с исполнением задач, которые были поставлены Президентом на эти шесть лет? Спасибо.

– Виктор Андреевич, – с улыбкой, совершенно спокойно отвечал Эдуард, – За последнее время в структуре власти стало появляться много людей возрастом до сорока лет, возможно, это связано с кадровой политикой Администрации, – Эдуард покосился в сторону Орловой, – Но я не вижу проблем в молодости... Тем более мировой рынок сейчас на 34% контролируется как раз тридцатилетними, так что мне будет проще ориентироваться в изменениях... А в моем профессионализме у вас будет возможность убедиться!.. И главное, я не обременен проблемами 35—летних мужчин – семьей.

– Коллеги, мы завершили наши слушания, – прервал спикер. – И теперь должны проголосовать по всем 7 вопросам... Комитетом протокола Думы принято решение голосовать за каждого отдельно... Начнем!

– Поздравляю, – сказала Елизавета Николаевна, встретив Эдуарда после завершения голосования, – Хотя я в них не сомневалась.

– А я даже немного волновался.

– Единственное, что меня смутило, это твои слова об «обремененности 35—летних мужчин семьями»... Может привлечь много внимания в СМИ.

– На это я и рассчитываю, Елизавета Николаевна, – заигрывающим шепотом проговорил Эдуард. – Сейчас они настолько глупы...

– Это уже политика... Мудро, мудро, – улыбнулась Орлова. – Надо поговорить о твоём новом пути... И устроить встречу с Президентом.

– Сегодня?

– Ха—ха! Ты же понимаешь, что это так не делается? Дней через восемь, может быть...

– Прекрасно.

– Но с тобой мы вполне можем проехать до Кремля.

– Ну, раз вы предлагаете...

– Сейчас не те времена. Президент хоть и новый, однако, я все та же, какой была 6 лет назад. Но жизнь все равно меняется. Новые правила внешней политики, новые требования к нашей, казалось замшелой, внутренней... Большое влияние оппозиции, да и СМИ свободны гораздо больше, чем когда-либо...

– Двадцать лет назад власть была интереснее...

– Это да. Теперь верхушка меняется каждые шесть лет, а аппарат все равно остается неизменным... Я, к примеру, незаменима, а вот ты на этой должности до следующего Президента. В этом проблема нашей страны – мы не можем установить баланс. У нас либо полный кадровый застой и автократия, либо неразумная демократия с полной изменчивостью высшей публичной власти, при этом каждые пять-шесть лет! Какого—то промежутка найти не могут, а что из двух зол меньшее – трудно ответить. А бесконечные контрреформы 30—ых годов до сих пор выжимают из нас все соки в надежде на исправление ситуации в экономике, муниципальном управлении, социальной сфере и даже армии. Либеральность действительно подвела нас... Как говорил Чубайс: «Государственная дума должна уже, наконец, запретить все навсегда». И так у нас и делали... А потом бах! И с новой властью все отменяется и разрешается, причем контрреформы разрешают даже то, что не следует...

– Контрреформы правильны, Елизавета Николаевна. Из—за них постепенно повышается качество жизни, и происходит переход в сбалансированный и здоровый рынок. Думаю, лет через 5 мы догоним Европу в плане социальной устойчивости...

– А так ли эта устойчивость важна? И существует ли, в принципе? – спросила задумчиво Орлова.

– Но миграционный кризис она пережила. Европейцы, к удивлению, смогли ассимилировать всю ораву своих гостей.

– Трудно сказать, кому стало проще...

– С моей финансовой точки зрения, благодаря кризису укрепился доллар, ибо все финансирование грандиозных махинаций шло через банки Америки... Неслучайно именно кризисы, войны и конфликты стали отправными точками для развития цивилизации...

– Складненько, но не совсем ново... Постоянно слышу это на работе.

– Я все—таки финансист, – сверкнули глаза у Эдуарда, а сам он с обожанием посмотрел на Орлову.

– Мы приехали... Была рада поболтать, до встречи.

Глава II

Эдуард Михайлович был вполне незаурядным человеком... Отсутствие страха публичных выступлений, но не очень большая разговорчивость. Аналитический склад ума и относительное остроумие; желание быть значимым и популярным в узком кругу лиц, при этом избегание больших толп; требование уважения к своей персоне, эгоизм и желание повеселиться – примерно такими качествами обладал Эдуард к 37 года. Его взгляды нельзя назвать возвышенными – жил он в свое удовольствие, однако, достигал своих, порой материальных, целей, стараясь не переступать через людей. Он уже имел квартиру в одном из высотных зданий столицы, квартирку на Патриарших (семейная реликвия), дом в северной столице и еще один где—то в Европе – все, к слову, было заработано честной инвестиционной деятельностью (как менеджер Федерального Банка Эдуард, разумеется, знал много финансовых подробностей, позволявших делать очень выгодные вложения). В развлечениях себе тоже отказывать не приходилось, но, как выражался сам Эдуард: «К старости я все больше нахожу радости в работе». И ведь есть из—за чего! Банковские способности у него есть...

Закончил школу Эдуард, что называется, нормально, но и этого хватило для поступления в Московский Экономический Университет, где трудился он не покладая рук, окончив бакалавриат с красным дипломом по специальности финансы и кредит, но, не горя желанием идти в армию, продолжил обучение в магистратуре этого же Университета, правда по направлению международной политологии.

В магистратуре Эдуард ограничивал свою жизнь немного меньше, поэтому, чтобы сводить концы с концами, занимался журналистской деятельностью – писал статьи о банковской сфере, экономической ситуации и прочей малопонятной обывателям (да часто и редактору) лабуде. Эдуард стал снимать небольшую двухкомнатную квартиру, которую обустроил скромно, но со вкусом, благо у него имеющимся. И вот однажды случилось событие, изменившее жизнь обычного студента двадцати трех лет навсегда...

Один банк с треском обанкротился, оставив более 16 миллиардов долгов. Событие привлекло внимание всего гражданского общества. Такое нельзя было не осветить! Эдуард, у которого в том банке работали однокурсники, справился с поставленной задачей прекрасно... Но набрел на маленькую противозаконную схему по переводу денег в офшорные зоны через этот банк. Из-за такого неприятного, разоблачительного, антикоррупционного содержания статья Эдуарда не увидела света. Однако Эдуард Михайлович, кроме работы, еще и обучался в солидном Университете, а с ректором, и вообще со всей администрацией, водил дружеские отношения... И, совершенно случайно, на одном из плановых мероприятий вуза, Эдуарду посчастливилось познакомиться с федеральным чиновником из министерства юстиции – Орловой Елизаветой Николаевной. Молодой человек заинтересовал государственного служащего, и они мило беседовали на протяжении всего мероприятия, оставив друг о друге приятное впечатление (Эдуарду хотелось верить именно в это). Ректор, несказанно обрадованный

такому стечению обстоятельств, охарактеризовал Эдуарда чиновнице, как подающего надежды финансиста, талантливого политического аналитика и неплохого издающегося журналиста... Елизавета Николаевна обратила особое внимание на последний пункт. Молодой, талантливый, подающий надежды почувствовал трепетную необходимость удовлетворить любопытство дамы, а для первого впечатления избрал ту самую неизданную статью о коррупционных схемах в банке...

Результат: Эдуард, получив диплом магистра политологии, устроился на работу в отдел банковских коммерческих операций Федерального Банка; госпожа Орлова стремительно перескочила четыре ступени карьерной лестницы; между Баникиным и Орловой установилась светлая дружба и взаимная поддержка во всех начинаниях (вряд ли характеру Эдуарда требовалось больше).

Так, обычная коррупционная схема, обанкротившийся банк и журналистское расследование странным образом повлияли на жизнь двух совершенно разных людей...

Но дружба продолжалась, а жизнь развивалась. Частые изменения в стране никоим образом не касались амбициозного сотрудника Федерального Банка Баникина, но немного покачивали положение Орловой, заставив ее перейти из правительственного аппарата в Администрацию Президента, в которой она успешно обосновалась на момент повествования.

Карьера же Эдуарда Михайловича стремилась вверх. За десять лет тяжелой, самоотверженной, искренней работы в банковском секторе гражданин Баникин перерос в господина Баникина с некоторым состоянием (нажитым честным трудом) и кое—какой целью в жизни. Он получал награды, премии, бесценный опыт и поездки за границу в счет бюджетных средств.

В общении с любыми людьми Эдуард Михайлович вел себя смело, напористо и свободно, с чувством абсолютного превосходства над своим собеседником. И даже если это было не так, Эдуард подсознательно убеждал себя в обратном.

Случалось, что на совещаниях по вопросам кредитования скандинавской компании один из многочисленных рядовых сотрудников отдела, возглавляемого Эдуардом, высказывал здравую мысль, делая это с весьма похоронным видом и сильно волнуясь. Эдуард спокойно обращался: «Станислав, вы подсказываете мне мудрую идею... Думаю, примерно таким образом мы и поступим... Обдумайте более полно свои слова и приходите ко мне через три дня, обсудить». Если через три дня был нерабочий день, на встречу это не влияло – Эдуард встречался в неформальной обстановке, выслушивая подготовленный проект, и уже через неделю представлял его своему руководству, упоминая имя талантливого сотрудника и получая преданность подчиненных.

Иногда какой—нибудь действительно талантливый банкир, с острым умом и трезвым рассудком, слишком рьяно и уверенно защищал свое мнение по определенному вопросу. Эдуард, не переносящий намеков на конкуренцию с собой, прерывал речь оратора на первом спорном моменте или невольной паузе: «Виктор, вы говорите об этих 12 процентах как о данности, однако, по умолчанию они у нас не появятся – их нужно откуда—то взять. Об этом я подумаю на выходных, а на следующем совещании выскажусь по вашему вопросу. Там и решим». Пыл банкира немного спадал, и он с трепетом ждал вердикта руководства. Если перспектива была, то Эдуард представлял проект своему начальству, не говоря об истинном создателе, а последнему сообщал, что ничего быть и не должно. Если перспективы не было – Эдуард прямо говорил об этом сотруднику на совещании, но предлагал ему подумать над чем—то стоящим, направлял его энергию в нужное русло.

С равными себе менеджерами Эдуард общался и по-дружески. Шутил, смеялся, хлопал по плечу, улыбался, обедал, удивлял своими знаниями и выручал в трудные моменты. Когда же

дело доходило до профессиональной деятельности, Эдуард действовал сухо и как того требовали интересы Банка и страны.

С начальством Эдуард вел себя на равных, впрочем, зная меру. Он советовал, предлагал, говорил, убеждал, агитировал в пользу руководства, но не позволял общаться с собой по формуле «начальник—подчиненный». Это объяснялось его связями с федеральными чиновниками. Хоть это и не находило поддержки среди банковских служащих, но все же давало Эдуарду уверенность в послезавтрашнем дне.

Основой же всего благополучия стала простая дружба с Орловой. Дружба, которой Эдуард очень дорожил и, об отсутствии развития которой на ранних стадиях, сильно переживал. Но все сложилось просто великолепно. И Эдуард Михайлович Баникин стал членом Совета директоров Федерального Банка...

Глава III

Эдуард Михайлович за два дня освоился на новом рабочем месте. Тридцать четвертый этаж башни «Bank—hall», кабинет номер 123, в постмодернистском стиле, который делился на четыре зоны: приемная, зал совещаний и переговоров, рабочая комната и помещение для отдыха с разными вещами, способными развлечь финансиста.

Вид из окон тридцать четвертого этажа открывался превосходный – все нужные здания просматривались с нужной легкостью.

Первое совещание всегда волнительно, особенно если на нем решается судьба экономики крупнейшей страны мира. Возможно, именно поэтому все пришли заранее, а начали, соответственно, минута в минуту.

Председатель Федерального Банка, Евгения Романовна Лисова, своим тихим, немного грубым голосом, произвела все формальные действия и перешла к важным темам.

– Через две недели состоится ежегодный Евразийский Банковский Форум в Женеве. Я встречалась с Президентом и говорила с ним про форум... Он ожидает от него многого и просит тщательно подготовиться к нему... Во—первых, кто будет возглавлять нашу делегацию?

– Думаю, это очевидно... – прозвучало из разных мест.

– Я так не считаю, – отреагировала Евгения Романовна. – Мой новый помощник по международному сотрудничеству напрашивается сам собой, однако, человек он молодой и может растеряться... Без обид, Эдуард Михайлович... Директор Департамента контроля ценных бумаг подойдет лучше – он уже 7 лет в должности.

– А кого мы посылали в прошлый раз?

– Помощника по международному сотрудничеству... Но сейчас это не очень желательно и...

– Евгения Романовна, – заговорил сам Эдуард, – Думаю, не стоит нарушать традиции... Я имею представление о многих вещах, к тому же вы знаете, что я возглавлял Департамент международного сотрудничества, поэтому все споры напрасны, а выбор должен стать очевидным... А еще я был в Женеве пять месяцев назад...

– Мы подумаем, – сухо ответила Евгения Романовна.

– Думать нечего, Евгения Романовна! Коллеги, кто за то, чтобы я представлял экономику России на ЕБФ? Давайте решаем этот момент, а у меня еще доклад о Национальном Банке Вьетнама...

– Эдуард Михайлович...

– Мы за вас, – перебили предостерегающее обращение директора Департамента контроля ценных бумаг четыре голоса из разных мест.

– Отлично! Давайте голосовать...

– Хорошо, Эдуард Михайлович, – подсчитав согласных, сказала Лисова, – На форум отправляетесь вы... Теперь, коллеги, выслушаем доклады и решим вопрос с...

Баникин, улыбаясь директору Департамента контроля ценных бумаг, проследовал к трибуне с победоносным видом, обрадованный своей первой маленькой победой в новом коллективе даже больше, чем оплачиваемой поездкой в Швейцарию.

Евразийский Банковский Форум – огромный полигон мировой экономики. На нем присутствуют только государства. Распространившийся за XIX—XX вв. капитализм, из—за которого корпорации взяли слишком много власти, стал реальной проблемой для политических элит, вынужденных пользоваться деньгами «спонсоров», но не восторгавшихся этим фактом. Мировые кризисы, охватывающие мир раз за разом, создавали благоприятный климат для восстановления политического влияния на крупный бизнес.

Доллар процветал, азиатская экономика не совсем...

Евразийский Банковский Форум был призван оздоровить экономическую ситуацию на материке и достигнуть целей государств по захвату влияния.

Что именно хотели сделать там в этом году, Баникин очень сильно желал узнать...

Глава IV

Обещанная Орловой встреча с Президентом была устроена быстрее в связи с новым заданием Баникина. Свеженький Президент, к удобству повествования, не придерживался никаких политических направлений, а был простым социалистом, старающимся слушать избирателей и делать все для них. Своеобразная американская мечта нашла воплощение в нем. Его всегда благостное расположение духа и тихая, местами скромная, манера речи создавали впечатление толерантного мэра курортного города на Лазурном берегу. О его достижениях говорить было рано, ибо новые лица во главе государств должны отработать минимум срок для формирования каких—либо выводов. Но все же, Иван Иванович Иванов был достаточно популярным в народе. Верхушка элит относилась к нему осторожно. Она не знала его, как управленца, а знала только как парламентария. Все же Иванов не проводил кадровых изменений и даже наоборот, оставил все как есть, доверив малейшие изменения знающим людям... Среди знающих была Орлова.

Но и человеком-тряпкой Президента было назвать сложно. Он генерировал хорошие, здоровые идеи, которые сильная команда превращала в гениальные изменения, но, вполне вероятно, Иванов испытывал не удовлетворяемые амбиции, которые могли бы превратить его, лет через десять, в настоящего диктатора.

Эдуард Михайлович сидел в просторном Кремлевском зале в ожидании аудиенции. Мимо сновали люди в деловых костюмах, и в целом жизнь казалась настоящей и реальной.

Из кабинета Президента выглянула Лисова, кивком сообщив Эдуарду о начале разговора.

Баникин впервые в своей жизни переступил порог кабинета Президента России. Если бы Эдуард не провел двадцать минут в размышлениях об эпохальности предстоящего события, это чувство прошло бы незамеченным. Но волнение, которое испытывал Эдуард в этот момент было вызвано именно размышлениями...

Когда—то, Баникин сидел в приемной Орловой, смотря на отсутствующее выражение лица секретаря, и переживая о каждом своем предстоящем движении... Тогда от этого зависело душевное равновесие... Любой взмах головы, показавшийся Эдуарду признаком утомления, мог уничтожить восторженное, пожалуй, рабски восторженное, сознание молодого человека... Он сильно переживал и буквально перестал дышать в момент закрытия за собой двери

в кабинет, только произнося внутри наивную, но искреннюю мольбу к Богу... Молитва была услышана и первые, обращенные к вошедшему Эдуарду, теплые слова Елизаветы Николаевны в тот день определили сознание молодого человека на всю жизнь...

Если тогда, 19 декабря, Эдуард чувствовал все значение события, то сегодняшний визит к Президенту был чисто символически эпохальным. К тому же, на этот момент Эдуард стал более чем состоявшимся банкиром, которому есть что терять, но процесс потери мог оказаться слишком длинным.

Эдуард вошел в кабинет Иванова. На столе у дивана стояли четыре чашки, какие—то фрукты, пирожные и чайничек. Президент сидел на диване, лицом к двери, в кресле сбоку сидела Орлова, не обратившая никакого внимания на вошедшего Эдуарда и продолжавшая о чем—то говорить с Президентом. Евгения Романовна, обойдя столик, села на диван рядом с Иваном Ивановичем. Никто не обратил внимания. Эдуард меланхолически усмехнулся:

– Добрый день, Елизавета Николаевна, здравствуйте, господин Президент, – обратился Баникин, отрывая бюрократов от безусловно важного разговора.

– Эдуард Михайлович? Рад познакомиться, слышан... Садитесь, садитесь! Мы что—то увлеклись, – тихим голосом говорил Иванов. – Мы говорили о Банковском Форуме... Евгения Романовна сообщила о вашем желании представлять нашу страну... У нас возникли споры, признаться, об этом... Но... Елизавета Николаевна убедила меня в вашем профессионализме, – Орлова едва заметно улыбнулась, но Эдуард не пропустил этого. – Нам с вами нужно поговорить наедине... У меня большие планы... Дамы, приятно было пообщаться... Пока я вас не смею задерживать... Спасибо...

– Эдуард Михайлович, вы, разумеется, знаете, что этот форум собирает наших ключевых партнеров... – начал Иванов после ухода Орловой и Лисовой. – Хотя, думаю, с вами можно говорить прямо... Ведь так?

– Конечно, Иван Иванович, – понимающе кивнул Эдуард.

– На этом форуме будет решаться судьба некоторых корпораций... Некоторые европейские страны, через глав правительств, глав внешнеполитических ведомств... Собственно, президентов... Договорились обвалить определенные американские корпорации... Я этим не слишком интересовался... Все проделал министр иностранных дел... Однако он убедил меня в выгоде участия в этом... заговоре... Надеюсь, вы понимаете, что это гостайна?! – вспомнил он.

– Разумеется, – располагаясь кивнул Баникин, успокаивая Иванова, но, очевидно, вызвал обратный эффект.

– Подпишите вот эти бумаги... Они о неразглашении... – подозрительно приказал Иванов.

Через несколько минут чтения документов и их торжественного подписания в окружении чашек, Иванов, прочитав и проверив несколько раз подпись, продолжил:

– Короче... Эдуард Михайлович, вы должны съездить на форум и сделать все, что вам скажут... Как мне сказал министр... Ваша задача состоит только в том, чтобы согласиться с утверждениями и предложениями наших коллег... Но не больше, чем на сорок миллиардов долларов... Вы поняли?

– Есть несколько вопросов, Иван Иванович...

– Я вам все сказал. Просто выполните инструкции... В крайнем случае, связывайтесь с МИДом... Там вас проинструктируют... На банковских заседаниях, кстати, говорите только о решениях форума, рассмотренных в официальной повестке дня! Ясно?

– Да, Иван Иванович... – смирился Эдуард.

– До встречи... Не подведите... И помните – гостайна!

«Иванов – вспыльчивый и непостоянный, плохой президент. Односрочники скучны и бездарны... Нам нужны долго—правлящие руководители...» – думал Эдуард, выйдя из кабинета.

Эдуард спокойно шел к выходу из Кремля, прогоняя в голове мысли о предстоящей поездке в Швейцарию. Что из этого могло получиться, он не знал, главное – это убедиться в собственной безопасности. Надо бы связаться с юристом...

Проходя последний пост кремлевской охраны, Баникин заметил спускавшуюся по лестнице Орлову. В голове промелькнула мысль: «Надо подождать». Сердце забило, выражение до сих пор задумчивого лица ожило.

– О, Эдуард, – пройдя ускоренную процедуру регистрации, обратилась с улыбкой Елизавета Николаевна. – Ты уже все?

– Да, Елизавета Николаевна. Еще раз здравствуйте! Мы с Президентом все обсудили, совсем скоро я отправлюсь в Женеву.

– Ну, молодец. Сейчас куда?

– А вы?

– В Администрацию.

– Может прокатимся?

– Пожалуйста, – пожала плечами Орлова, пригласив Эдуарда в машину, к которой они успели подойти.

После обязательных галантных действий, которые, впрочем, Эдуард выполнил с удовольствием, можно было вернуться к разговору.

– Как твои дела? Обжился на новом месте? – посмотрела Орлова на Эдуарда своими красивыми глазами.

– Очень хорошо, – замороженно произнес Эдуард, – Вид приятный, сотрудники тоже ничего, работы, почему—то, меньше, ответственности, почему—то, больше.

– Про ответственность правильно сказал... Лисова тебя из—за чего—то съест готова. Крайне против твоей поездки в Женеву.

– Корпоративные трудности... Я не из ее команды, – рассуждал Эдуард, делая Орловой понятные намеки. – Евгения Романовна тоже человек новый, всего два года назад первое назначение... Вот ей и нужны везде свои люди, а апэшные ставленники своими не считаются, увы.

– Она даже на меня сегодня с претензиями полезла, говорила, достаточно грубо, что Банк нуждается в опытных представителях, а не молодняке...

– Надеюсь, вы меня защитили? – нежно улыбаясь, спросил Эдуард, понимая, что Орлова, играющая очень большую роль в Администрации (и являясь серым кардиналом всех кадровых решений любого уровня в России), не могла оставить выпады Лисовой неотомщенными.

– Я, вообще—то, была у Президента совсем по другому вопросу... Мы обсуждали губернаторские выборы... Однако, поверь мне, я дала повод Лисовой ненавидеть тебя еще больше.

– Думаю, здесь разумнее благодарить, – задумчиво, но весело произнес Баникин.

– Ха—ха! Не стоит... Давай ты мне лучше расскажешь о своем разговоре.

Эдуард недолго помолчал, собираясь с мыслями:

– Знаете, я скажу только два слова... Государственная тайна.

– Ясно, – откинулась в кресло Орлова, – Иного я от форума и не ожидала... Каким тебе показался Иванов?

– Мне кажется, что он только предвестник чего—то более значимого... Он не способен переделать нашу жизнь, но и стабильность при нем будет.

– А потом? – спросила Орлова, но Эдуард понял, что она думает о другом.

– Потом, возможно, выберут какого—нибудь живого, наглого, уверенного в себе человека, который перевернет не только систему власти, но и все общество...

– Такой уже был, но его не оценили... Нет! Сейчас не те времена, инициатива от власти не может исходить, слишком многое мы пережили. Лет двадцать назад это бы еще прокатило и сейчас могло бы существовать новое общество... Но мы упустили шанс, теперь меняться должны люди, по собственной воле...

– Может быть, но я не буду в этом участвовать. Мне достаточно того, что у меня сейчас есть: крыши над головой, много крыш; вкусная еда; умные знакомые; интересная работа; круг общения; развивающий досуг.

– Семьи у тебя нет... – проронила Орлова. – И почему только?

– Сам не знаю, – тихо произнес Эдуард. – Не думал я об этом, а стоит ли вообще? Может да, может нет...

– Хоть бы генофонд оставил...

– А кто знает? – совершенно задумчиво спросил Баникин, то ли продолжая размышления о семейной жизни, то ли говоря про генофонд... – Стоп! Мне это тема не нравится! Я человек несемейный! Свое счастье я увижу, когда стану Председателем Федерального Банка и установлю собственную финансовую монополию в стране...

– Вот это да! – рассмеялась Орлова. – Вот это планы!

– А вы могли бы стать Президентом... – заговорщицки прошептал Баникин.

– Тут вот не надо, – остановила его Елизавета Николаевна. – Я на своем месте. У меня много власти и относительно мало ответственности. Если бы, чисто теоретически, я стала Президентом, то ответственность у меня возросла, а вот власть уменьшилась. Меня все устраивает. Все...

– Конечно, – кивнул Эдуард, хотя ему хотелось добавить: «Вы и так королева», но он удержался.

– Мы приехали. Мне нужно много разного сделать, а тебе удачи на форуме, думаю, будут сюрпризы. До встречи.

– Спасибо, Елизавета Николаевна, до свидания.

Глава V

Перелет в Женеву у Эдуарда Михайловича не вызвал никаких проблем. Летел он на самолете Правительства России. Вместе с ним летело 10 человек охраны, 3 консультанта из разных министерств, 6 сотрудников Федерального Банка, 2 сотрудника Службы безопасности и, конечно, 3 пилота и 5 стюардесс. Эта компания провела три часа над Землей, увлекшись работой и сном. Все занимались чем—то важным: смотрели документацию, просматривали словари, гуглили отели и рестораны, кто—то флиртовал со стюардессами, а Эдуард Михайлович смотрел котировки американских акций.

Возможно, он был бы рад перекинуться любезностями с хорошенькими стюардессами, но волнение и предвкушение чего—то необъяснимого не могли пропасть. За последние три недели американские крупные компании произвели слияние активов, что уже насторожило государственных аналитиков всего мира, программа дней Евразийского Банковского Форума казалась в этом случае очевидной, однако, вопреки ожиданиям, выглядела так:

Первый день: встреча делегаций, фотографирование, круглый стол, «перекличка», вступительное слово Председателя Национального Банка Швейцарии, ужин делегаций.

Второй день: собрание делегаций, разделение делегаций по секторам «главенствующих партнерских интересов», работа секторов, обсуждение актуальных вопросов.

Третий день: деловой завтрак, выступление председателей делегаций, свободное время.

Четвертый день: двусторонние встречи, завершение работ секторов, общее собрание, составление итогового решения.

Пятый день: пресс—конференции, завершение форума (темой которого звучит, кстати, так: «Поиск путей преодоления стагнации экономического развития стран—участниц после Азиатского кризиса»), банкет с членами Федерального Совета Швейцарии.

Данная программа не содержала и самого легкого намека на то, о чем говорил Баникину Президент. Но слияние американских компаний стали угрожающим событием, обойти которое в разговорах на форуме было бы просто невозможно.

Когда делегация России въехала в отведенное ей крыло отеля, и когда совершила все протокольные действия, Эдуард Михайлович Баникин принял душ и переделся в свой исключительно деловой костюм. После этого он вышел в зал совещаний, заботливо проверенный сотрудниками Службы безопасности, в котором уже собрались все члены делегации.

– Дамы и господа, – обратился Баникин, – Этот форум, вероятнее всего, войдет в историю. Мне приятно осознавать, что в историю войдем и мы. Давайте не забывать главные вещи: мы представляем Россию, мы не в праве ударить в грязь лицом, мы обязаны защитить, если понадобится, честь нашей Родины. . . Мы опытные люди в своем деле, поэтому не буду говорить очевидных вещей. Давайте просто никого не подведем.

Через двадцать минут российская делегация была на месте проведения форума. Совершила ритуальные действия: поздоровались с партнерами, поговорили с организаторами. Эдуард Михайлович пожал все руки, которые следовало пожать, и встретился с послом России в Швейцарии, который любезно предоставил ему в личное распоряжение молоденькую переводчицу Катерину. В ее обществе Эдуард немного оживился и минуты ожидания фотографирования и открытия форума протекли быстро.

На открытие, как и заявлялось, выступил Председатель Национального Банка, говоривший исключительно по заявленной теме. Он говорил что—то вроде этого: кризис подорвал состоявшийся экономический уклад во всех странах; за эти годы благодаря форуму кризис был преодолен; развития все равно не наблюдается; пора думать о славном будущем; ура, ура, ура.

Акцент переводчицы привлекал Эдуарда сильнее, чем то, о чем она говорила. Интуиция предупредила Баникина, что открытые мероприятия форума чистая формальность, обращать на которую внимания совершенно не стоит.

После громких аплодисментов и поздравлений форум официально открыли, а делегации переместились в обеденный зал, столы которого были щедро уставлены утонченной европейской едой. Эдуард, оставив переводчицу в распоряжении русской делегации, сидел за отдельным столом для руководителей, свободно общаясь на различные темы: погода, еда, экология, климат, животные, литература, искусство, но только не политика и работа.

В целом, русские оставили приятное впечатление, а Баникин, по мнению европейских СМИ, вошел в состав лидеров банковского рейтинга.

Второй день, наступивший крайне незаметно, начался с общего сбора, как и было указано в повестке дня. Снова прозвучали общие слова, а Председатель форума разделил страны согласно их вероятным партнерским отношениям («главенствующие партнерские интересы»). Присутствие делегаций было необязательным, требовался только руководитель (без переводчика), тем временем делегации занялись не менее важными делами (описание которых мы пропустим).

Эдуард, официальный представитель России, попал в свой специальный сектор вместе с Великобританией, Францией, Италией и Германией. После нескольких минут напутственных речей, руководителей делегаций проводили в залы для общения.

Как только большая пятерка Европы оказалась в замкнутом пространстве, между ее участниками начались формальные разговоры. По прошествии ровно пятнадцати минут Теодор Рикби, руководитель делегации Великобритании, закинул удочку к началу настоящей беседы.

– Кажется, у нас есть определенная цель... О цели нам сказали в наших правительствах...

– Вы правы, – кивнули все.

– Тогда, позвольте возглавить наш сектор?

Все кивнули вновь.

– Дамы и господа, – обратился Теодор к тем и другим, – Как нам всем известно, современный мир требует изменений. Последнее время значительная власть во всех сферах социальной жизни находится в руках США. После кризисов это влияние усилилось. Наши правительства обсудили новый политический курс главенствующих стран Европы. Главной целью нового курса является ослабление экономической гегемонии США. Как нам известно, за последний месяц целый ряд американских корпораций, занимающихся добычей полезных ископаемых и современными технологиями, объявили о слиянии. Из—за этого акции сильно снизились в цене, однако, не вызвали никакого взрыва. Это норма. Но наши правительства выработали то, благодаря чему мы сможем начать контролировать экономику Америки! Система проста. На данный момент наши страны располагают средствами, которых будет достаточно для покупки 41% акций самых крупных корпораций США...

В зале повисла пауза. Все сидели в растерянности и нерешительности. Эдуард решил заговорить:

– Мой Президент, отправляя меня сюда, сказал мне, чтобы я согласился на любые условия... Если бы эти условия были названы, то...

– Конечно, мистер Баникэн! Наши страны переводят на счета, контролируемые Ватиканом, около 40 миллиардов долларов, плюс Ватикан добавляет личные средства. В сумме мы имеем порядка 310 миллиардов долларов. Ватикан использует эти деньги через многочисленные подконтрольные компании и скупает около 2,5 миллиардов американских акций. Итог: через некоторое время мы контролируем экономику США и имеем рычаги давления на нее! Сделаем подарок себе к столетию победы во Второй мировой!

– А Ватикан?

– С Ватиканом у всех нас пройдут двусторонние встречи.

– Россия согласна на эти условия, – уверенно произнес Эдуард, хлопнув рукой по столу. – Это не противоречит словами моего Президента. Дамы и господа, я уверен, что у вас тоже были инструкции. Давайте же исполним их.

Понимание было достигнуто удивительно быстро. Вот как бывает, когда итог predetermined заранее и спорить уже не о чем. Подобная система пригодилась бы в любом парламенте. Увы! Чудеса демократии не позволяют принимать уже принятые решения, а заставляют пускаться в часто ненужные обсуждения бытовых вопросов.

«Все ли?» – подумал Эдуард, подписав первый пакет документов.

Глава VI

Деловой завтрак, ознаменовавший начало третьего дня, не принес спокойствия в мысли Эдуарда. Никто не говорил о вчерашнем дне и его решениях. Все сидели. Ели, пили. Иногда говорили о банковском секторе в своей стране, но и то только для приведения примеров какого—нибудь явления из жизни. После завтрака делегации перешли в основной зал, в котором должны были прозвучать речи от руководителей.

Все двадцать две страны—участницы форума (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Бельгия, Португалия, Нидерланды, Швеция, Дания, Норвегия, Швейцария,

Ватикан, Австрия, Венгрия, Турция, Саудовская Аравия, Индия, Россия, Израиль, Япония) выступили со словами, в которых горячо уверяли друг друга в вечной преданности и партнерстве.

Эдуард Михайлович тоже произнес символическую речь, поблагодарив все страны за участие в форуме и выразив надежду на успешное нахождение единственного пути для начала нового витка экономического развития. Сплошная клоунада на камеры.

К двум часам дня речи были завершены, и Эдуард вернулся в комнаты русской делегации. Ее участники поделились своими впечатлениями, а консультант из МИДа спросил у Эдуарда:

– Игорю Сергеевичу ничего не надо передать?

– Спасибо, если что я свяжусь сам, – сухо ответил Баникин. – Наверное, я воспользуюсь свободным временем и пойду пообедаю в одном ресторанчике...

– Но вы не знаете города! – восторженно воскликнул один из сотрудников Службы безопасности.

– Мне виднее, – устало возразил Эдуард. – Я ориентируюсь в Женеве, да и ресторан недалеко.

– Какой же?

– Это уже мое личное дело. Я понимаю – безопасность, – но давайте сделаем исключение, – тон Эдуарда был на редкость убедительным.

– Вы с кем—нибудь? – только и спросил сотрудник.

– Да, с Катериной... Переводчицей...

– Вы впервые в Швейцарии, Эдуард? – поинтересовалась переводчица, когда они уже сидели в ресторане высокой кухни на улице Мон—Блан.

– Нет, Катерина. Я был здесь относительно недавно... Покупал недвижимость...

– Да? – удивилась Катерина.

– Да, – улыбнулся Эдуард. – Выиграл в покер у одного русского бизнесмена (хотя я редко играю в карты) особняк в 8 километрах от города в горах... Должен сказать, там прекрасный вид и чистый воздух... Так вот, выиграл этот дом. Кажется, 520 квадратных метров, три этажа, 7 спален, погреб, гараж, участок на 2000 метров с аккуратненькой конюшней и бассейном. Интересный архитектурный стиль, классический, вероятно, хотя я не разбираюсь. Интерьер мне тоже понравился – такой дворцовый немного...

– Сколько же он стоил? – чисто с европейским интересом спросила Катерина.

– Я заплатил только налоги и расходы по контрактам. Всего 200—263 тысячи евро. Сам дом с участком стоит, думаю, 24 миллиона евро. Но я вообще в нем не ночевал. Нанял только трех человек для поддержания порядка...

– Почему же не продали его? Это принесло бы выгоду... – заметила Катерина.

– А зачем? Дом в Женеве не так уж и плохо. Есть и есть... Расскажи лучше о себе, да и о самой жизни здесь мне было бы интересно узнать... Какое отношение ты имеешь к России?

– О, это семейная история... Я праправнучка русского гвардейского полковника. В 1919 он эмигрировал во Францию. Через год родился прадедушка, Филипп, он получил прекрасное французское образование и занялся железными дорогами... Во время войны он уехал в Швейцарию, где и остался жить, развивая свой бизнес...

– Успешно? – перебил Эдуард заинтересовавшись.

– Вполне, – кивнула Катерина, продолжив, – Мой дедушка, родившийся после войны, после смерти своего отца решил поменять направление деятельности и занялся торговыми перевозками, но моя мать создала инвестиционный холдинг. А исполнительным директором работает мой старший брат...

– А ты почему не в семейном бизнесе?

– Ну, – слегка покраснела Катерина, – Я еще молода для этого... К тому же учусь в Международном университете Женевы, и мой брат желает видеть меня в политической жизни города... Для русской диаспоры это было бы очень хорошо.

– Русской диаспоры? – с серьезным любопытством спросил Эдуард.

– Женева вообще самый русский город в Швейцарии. Здесь около 20 тысяч русскоговорящих... Мы держимся дружно и очень часто живем рядом друг с другом... Географически рядом... Нужно сказать, лет 15 назад новые мигранты из России сталкивались с массой проблем! Где жить, на что жить, где работать и многое другое приводило многие русские семьи к бедности... Но 12 лет назад состоявшиеся, довольно богатые потомки еще революционных эмигрантов, в том числе и моя семья, решили создать фонд помощи русским... Вот так Женевская русская община стала самой многочисленной, здесь каждый может получить помощь.

– А это круто, – кивнул Эдуард, явно впечатлившийся подобным. – Вот ты рассказывала о семейном бизнесе и фонде... А инвестировать в это можно, скажем мне?

– Почему нет? – наивно пожал плечами Катерина. – Конечно можно.

– Тогда я подумаю об этом... Даже расскажу Президенту... И еще кое—кому...

– Думаю, он в курсе! – засмеялась Катерина, обнажив ровные белые зубы.

– Вряд ли... – поморщился Эдуард. – А что стало центром помощи русским?

– Как и всегда, русская церковь!

– Seriously? – очень сильно удивился слабо—религиозный Эдуард.

– Да, – твердо ответила Катерина. – Церковь в Женеве это настоящий центр всего русского мира в городе. В ней мы проводим собрания, благотворительные вечера, обеды, есть театральная студия, ведется работа с детьми, они учатся русскому языку, основной теологии и многому другому.

– Ну, ладно... – задумчиво кивнул Баникин.

– А какой у нас был епископ! – завороченно продолжала Катерина. – Молодой, красивый, образованный, с чудным голосом, а проповедь настолько глубокая и проникновенная! Приезжал, кажется, 4 месяца назад...

– И какая проповедь? – немного разочарованно спросил Эдуард.

– Он говорил о том, как важно оставаться добрым и помогать друг другу, говорил о том, что, если вы и хотите иметь смысл жизни, пусть он будет направлен на приношение радости окружающим. Он сказал, что нам нужно продолжать работу с общиной и посоветовал избираться в городской совет... Это, кстати, произвело впечатление на моего брата... А вот после торжественного обеда, перед своим отъездом, епископ Евгений (его звали именно так) рассказал удивительную притчу или просто историю с метафорами...

– Что же удивительного? – скептически перебил Эдуард Михайлович.

– О—о—о! Эта интересная история со смыслом.

– Расскажи.

– Я не очень подробно ее помню, – снова засмушалась Катерина. – Но... Ладно, слушай. Один ученик российской школы на уроке, посвященном эволюционному развитию Земли, сильно заинтересовался, как же выглядел мир тогда, когда еще жизни в биологическом смысле не существовало вообще. Ученик серьезно увлекся физикой и к 62 годам ему удалось разработать механизм машины времени, согласно всем возможным физическим догмам. Человек близок к цели. Он залезает в свой аппарат и нажимает на кнопку «Назад»! Как думаете, Эдуард Михайлович, что будет дальше?

– Он увидит, что Бог не принимал участие в создании Земли и все произошло приблизительно так, как и говорилось в эволюционном учении...

– Нет! Он переместился в момент, когда вообще ничего не существовало! Была чистейшая пустота! И что же случилось с ученым? Он потерял физическое воплощение, но сознание осталось... В попытке найти машину времени ученый бродил в абсолютной пустоте, не ося-

зая самого себя. По прошествии неопределенного количества времени, ученый необъяснимым способом начал создавать планеты, свет, Землю... Такая вот история.

– Абсурдно, но со смыслом, – пожал плечами Эдуард.

– Но епископ рассказал это таким красивым языком, с гораздо большими подробностями! Я лишь передала суть...

– В чем, же смысл истории? – уже устало спросил Баникин.

– Над этим он просил нас всех подумать...

Эдуард попрощался с переводчицей и вернулся в гостиницу.

«История банально противоречит всем христианским устоям... Сложно придумать контекст, в котором она могла быть употреблена, не нарушив основных правил... Интересный, наверное, епископ. Узнаю, кто такой...»

Глава VII

Четвертый день форума шел по своему плану. Делегации проводили встречи, наполненные сплошным, как будто неевропейским, позитивом. Для Эдуарда Михайловича самой интересной стала встреча с представителем Ватикана – кардиналом Силилья, – вопросов к которому было много...

На встрече присутствовали только три человека: Эдуард, кардинал и Катерина. Присутствие переводчицы было необходимо, ибо Эдуард совершенно не владел ни португальским, ни итальянским, на которых с непринужденностью изъяснялся кардинал (знания Катерины просто поражали, пожалуй, в Европе нет языков, которые она не знала... Кроме исландского, он вне человеческих возможностей!).

– Кардинал, – обратился через переводчицу Эдуард. – Я у вас не первый посетитель, поэтому мои вопросы могут быть похожи на вопросы моих предшественников... С другой стороны Россию, а мы отличаемся от других, интересует лишь два вопроса...

– Пожалуйста.

– Первый вопрос. Перевод денег состоится на государственные счета Ватикана согласно всем финансовым нормам подобных переводов?

– Да.

– В случае неудачи, Ватикан может гарантировать какую—либо компенсацию или сохранение тайны участия России?

– Боюсь, компенсации поступят исключительно в виде дипломатического сотрудничества и посредничества... Но сохранение тайны российского вмешательства само собой разумеешееся.

– Это хорошо... Теперь другие вопросы от Федерального Банка. Первое. Банк Ватикана получит около 310 миллиардов долларов, каким образом эти деньги будут потрачены для достижения нашей цели?

– Банк Ватикана, Эдуард, имеет множество подконтрольных компаний. С их помощью и будут производиться сделки.

– А как страны, вложившиеся в это дело, смогут получить контроль над ценными бумагами?

– После осуществления всех сделок и покупки необходимого числа акций, Ватикан в срочном порядке произведет слияние компаний, купивших акции, и получит абсолютный контроль над ценными бумагами... Потом, путем вполне обычных действий, контроль над акциями возьмет Ассоциация стран—«акционеров», создание которой будет решаться главами государства, но уж точно не мной и вами.

– Страны получать равные доли?

– Страны получают пропорциональное своим вложениям количество акций...

– Вы сами не боитесь? – перевела ничего не понимающая Катерина вопрос Эдуарда, заданный доверительным тоном.

– О—о—о, я сильно волнуюсь... Сама покупка такого числа акций не может повлечь ничего катастрофического, но процессы, которые я вам описал, могут оказать самые неожиданные результаты...

– Вы знаете, кто инициировал эту операцию?

– Я такой же посредник, как и вы, – улыбнулся кардинал. – Папа лично говорил со мной о важности этого... Думаю, также, как с вами говорил ваш Президент, и как говорили главы других государств с другими банкирами.

– Странно это, не правда ли?

– Эдуард Михайлович, – сказала Катерина, выслушав ответ кардинала, – Он смущен моим присутствием и...

– Переведи, что я разделяю его мнение, но считаю, что мы достигли понимания и продуктивную беседу можно завершить... Я удовлетворен. Сроки перевода будут обсуждаться на правительственном уровне.

– Мы говорили о чем—то очень важном? – поинтересовалась Катерина после завершения встречи.

– Просто об эпохальном! Это самое серьезное предприятие в моей жизни! Может, такого больше никогда не будет...

– Это серьезно? – с трепетом спросила Катерина.

– Очень... Кстати... Ваш семейный бизнес...

– Что?

– Основной капитал у вас во франках?

– Восемьдесят семь процентов.

– Отлично... А с американскими компаниями вы работаете?

– Очень тесно, мы представляли интересы в Европе одной из компаний, которая слилась две недели назад с самыми крупными игроками рынка...

– Это либо печально, либо трагично...

Катерина с беспокойством смотрела на Эдуарда. Его взгляд казался отсутствующим, но внутри вертелось множество мыслей...

В конце дня состоялся общий сбор делегаций. Как и ожидал Эдуард, в тексте итогового решения и слова не было ни о каких революционных соглашениях. Только кредитные договоры, инвестиционные проекты, заверения в сотрудничестве, дружбе, партнерстве и, действительно полезные для экономического развития некоторых стран, решения.

Решение было зачитано, копии розданы делегатам, Председатель форума поблагодарил всех за тяжелый труд в рамках мероприятий, все начали расходиться по своим помещениям в отеле.

Эдуард Михайлович отпустил команду, решив побродить по площадке форума и территории отеля. Его заметил Председатель банка Швейцарии, провожающий всех руководителей делегаций, и подошел с улыбкой.

– Bonsoir, monsieur Eduard!

– Же но парле лё франсе, мсье Виль.

– English?

– Yes.

– Какие у вас впечатления, Эдуард?

– С уверенностью могу сказать, что интересы и замыслы России полностью удовлетворены.

– А вы лично?

– У меня все же смешанные чувства, все—таки я выполняю государственное поручение, с которым могу быть и не согласен, – с нотками понятной только ему иронии отвечал Эдуард.

– Мне говорили о вас, как о талантливом банкире... Не удивлен! В тридцать семь лет стать топ—менеджером Федерального Банка России, вероятно, этого сложно добиться в вашей стране?

– Мне повезло... Очень сильно... Не только в карьерном, но и в чисто личном плане...

– Еще я слышал... – начал Председатель, но к мирно беседующим банкирам присоединился руководитель делегации из Португалии.

– Мистер Виль, – тоже на английском обратился он, – Мое руководство интересуется сохранностью десяти миллиардных вложений в наше предприятие и...

– Месье Эдуард, я вынужден с вами распрощаться, извините, – аккуратно раскланялся Виль и повернулся к португальцу, отвечая на его вопросы.

Эдуард прошел по саду, взглянул на Женевское озеро и чудесные в это время года Альпы. Эдуард сильно устал за эти два дня и ему хотелось отдохнуть от всей работы или хотя бы сменить обстановку. Благо уже завтра ночью он вылетит в Москву.

Но перед возвращением на Родину, Эдуарда, как и всех его сопровождающих, ждал последний, пятый день Евразийского Банковского Форума.

Началось все с пресс—конференций. Эдуард давал развернутые комментарии по всем вопросам, вновь сыскав популярность у европейских СМИ.

– Вы работали с банковской элитой ведущих стран Европы. Все они старше вас, отразилось ли это на работе? – звучал один из безобидных вопросов.

– Я не считаю возраст проблемой при решении важных вопросов, – с улыбкой встретил вопрос Эдуард. – В банковской сфере, как в сфере искусства и образования, требуются люди с богатым жизненным опытом, знающие все тонкости своей работы... Скорее я являюсь молодым, талантливым исключением, чем мои коллеги профессиональными артефактами.

Подобный комментарий встретили весело...

После завершения всех пресс—конференций (дольше всех продержали почему—то Израиль) форум официально был закрыт и сделаны последние фотографии. Эдуард вернулся в номера, проверил готовность к возвращению и стал одеваться к обеду с правительством Швейцарии.

Катерина обещала присоединиться к Эдуарду за обедом, но после долгих ожиданий уязвленный Баникин перестал стоять у главного входа в замок и направился в парадную столовую. Блюда были в основном европейской кухни и в каждом обязательно присутствовало мясо или рыба (вегетарианство, или хотя бы толерантность к нему, постепенно исчезли из европейского сознания). Восхитительные вина местного производства, сыры, фрукты, шоколадные десерты вызывали гастрономический восторг у искушенного Эдуарда.

Его соседи по столу, веселые и тоже искушенные в гастрономии носители языков романской группы, к удивлению Эдуарда, общались о работе, обсуждая подробности банковской деятельности своих стран, не забывая о работе на форуме.

– Расходы слишком большие, – говорил представитель Португалии.

– У вас же только договор с Турцией о корректировке финансовой безопасности! – удивился сидящий рядом испанец. – Вот у Испании расходы!

– Точно, точно... – съежился португалец. – А у вас—то какие расходы?! Вы вообще инвестиции из Саудовской Аравии принимаете!

– Да, да... Забыл немного...

Эдуард с подозрением внимал происходящему, не сильно задумываясь о его смысле. Сейчас его заботили нежная запеченная озерная форель и обида на Катерину, не отозвавшуюся на приглашение, полное надежд.

Ровно в 23:37 пятого дня форума, правительственный самолет России, с многочисленными сувенирами на борту, покинул территорию Швейцарии. Сотрудники Службы безопасности были, как показалось сонному Эдуарду, обеспокоено—счастливыми.

Глава VIII

В Москву Эдуард Михайлович въехал в прекрасном расположении духа. Все переживания, казалось, были позади, а впереди ждали исключительно радостные моменты. «Радостные моменты» началась с совещания у Председателя Федерального Банка Лисовой.

– Доброе утро, уважаемые! – впорхнул в кабинет радостный Эдуард с симпатичными округлыми пакетами. – Я к вам с сувенирами! Иван Сергеевич, Александр Петрович, Сергей Максимович, Людмила Германовна, Татьяна Николаевна, Арина Васильевна, Любовь Ивановна... И, конечно же, вам, Евгения Романовна! Эти подарки от чистого сердца и затемненной души.

– Спасибо, Эдуард Михайлович, – немного поморщилась Лисова, но подарок приняла (как и все названные Эдуардом люди, благодарившие его за знаки внимания во время слов Лисовой). – Но нас всех очень интересует с чем вы приехали?

– Ох, – вздохнул Эдуард. – Честно сказать, даже не знаю с чего начать... Все было очень весело, но одновременно тревожно...

– Мы наблюдали вашу популярность в европейской прессе, – заметил кто—то.

– Спасибо, я был лишен такого удовольствия. Дела понимаете ли... Все опубликовано в официальном решении форума, которое я вам переслал. Подробности о работе российской делегации я сообщу в другое время, ибо мои сотрудники еще не подготовили отчет, который я озвучу. Но скажу, что нам требуется 40 миллиардов долларов.

– Сколько? – пискнула Лисова.

– Сорок.

– Миллиардов?

– Долларов.

– Эм...

– Не беспокойтесь, ради сокращения проблем я сейчас же еду к Президенту, как мы с ним и договаривались, и рассказываю об этих деньгах.

Преисполненный удовлетворенного чувства отмщения перед Лисовой, Эдуард стремительно вышел из зала совещаний, прошелся до лифта, спустился на парковку и отправился в Кремль.

Простояв немного в пробках (это проблема не решится даже в середине XXII века, уверен), Эдуард въехал в символ России и пошел по знакомым пунктам охраны и досмотра, дойдя до приемной Иванова.

Во—первых, его впустили сразу же, без малейшего промедления. Во—вторых, Эдуард понял, что второе посещение президентского кабинета не вызывает у него такого же восторга, как вызывал второй визит к Орловой, переживаемый Эдуардом в самой глубине души и облада-

ющий его трепетом и необъяснимым благоговением. Фигура Президента такого не вызывала. Слишком тусклой личностью был Иванов.

Вполне заурядная внешность 48-летнего мужчины, не слишком отталкивающая, не слишком привлекающая. Пепельный цвет коротко подстриженных волос. Большие зеленые глаза с желтым отливом. Пугливая манера держать себя. Отсутствие публичного чувства юмора. Возбужденная манера личного общения, иногда со скачками мысли. Но у Иванова совершенно точно был пытливый ум аналитика. Политологи считали, что он имеет большие планы и амбиции, но Эдуард, зная систему с «внутренней стороны», понимал всю переходность президентства Иванова. Баникин был убежден, что даже второго срока может не быть по причине усталости, накопившейся в Иванове, который не мог с этим ничего поделать.

Орлова превосходила Иванова во всем. Высокий рост. Заметная и красивая внешность. Выразительное лицо. Короткие каштановые волосы. Темные, пронизательные, но самое главное живые глаза. Свободная манера держаться. Присутствие необходимого объема чувства юмора. Располагающая речь, выражающая живейшее участие и заинтересованность в собеседнике. Уверенная походка, *аристократичность* в движениях. При этом строгость и аккуратность в работе, полная самоотдача долгу и непрерывающийся контроль ситуаций, возникавших в сфере ее прямой ответственности. Непроизвольное желание доминировать над присутствующими. И наличие изощренного ума и богатые общие знания. Словом, идеал, во всяком случае, так казалось Эдуарду Михайловичу...

Подобные характеристики часто проносились у Эдуарда в голове, и вот сейчас, войдя в кабинет, Баникин увидел и Иванова, и Орлову, и *министра иностранных дел, Игоря Сергеевича Наклеватко*.

– Игорь Сергеевич, я категорически против. Вы просите невозможное...

– Елизавета Николаевна, Виктор Сергеевич превосходный дипломат, роль постоянного представителя России в ООН ему прекрасно подойдет!

– А я считаю его халтурщиком... Мы с вами помним, как в 2037 году он, скажу прямо, облажался в Китае... Косвенно он даже виноват в начале войны!

– Елизавета Николаевна! Это слишком серьезные обвинения...

– Может быть, но пока МИД подчинено Президенту, ваши решения должны быть согласованы с Администрацией... Ясно, что вы добьетесь своего, но я категорически против и буду говорить об этом совершенно открыто!

– Эдуард Михайлович, вас—то мы и ждали! – облегченно воскликнул Иванов, пугливо взиравший на перепалку. – Из—за вас мы и собрались...

– Добрый день, Елизавета Николаевна, здравствуйте Иван Иванович, – наклонил голову в обращение к первой, подал руку второму Эдуард. – Игорь Сергеевич, рад знакомству.

– Взаимно, Эдуард Михайлович.

– Елизавета Николаевна, – обратился тем временем Иванов, – Я всегда прислушивался к вашему мнению... И опыту... Но считаю, что во внешней политике вы... не очень хорошо разбираетесь.

– Не больше Виктора Сергеевича, – отстраненным шепотом подчеркнула Орлова.

– И тем не менее, – пожал плечами президент. – А сейчас извините, у нас дела государственной важности!

Орлова ровным шагом покинула кабинет, бросив располагающий взгляд на Баникина. Как только дверь закрылась, Иванов азартно произнес:

– Скажите же, что привезли только хорошие новости с форума!

– Ну, не то чтобы очень плохие... Я выполнил главную вашу просьбу, нам требуется 40 миллиардов долларов.

- Все же, это много, – вкрадчиво, как будто себе, сказал Иванов.
- Оптимальный вариант, – прошептал Игорь Сергеевич, успокаивая Президента.
- Может быть... Продолжайте!
- Так вот, Великобритания, Россия, Франция, Норвегия, Германия и Ватикан...
- Ватикан?
- Ватикан.
- Ах, Ватикан...

– Эти страны, – продолжил Эдуард, – А вернее первые пять, обязались перевести на счета Ватикана по 40 миллиардов долларов. Ватикан через подконтрольные компании скупит на эти деньги 41% акций основных американских корпораций. Параллельно с этим, государства вкладчики создадут Ассоциацию, – Игорь Сергеевич на этих словах сонно кивнул, – А Ватикан объединит свои компании и отдаст их активы под контроль Ассоциации. Сам процесс, по моим личным подсчетам, займет полтора месяца, но этот же процесс, по мнению других финансистов, во время осуществления публичных операций (слияние Ватиканских компаний, создание Ассоциации), пошатнет экономику США... *И тут у меня возникли опасения...* Весь последний месяц происходили слияния уже американских предприятий, что существенно облегчает покупку акций для нас, ведь они упали в цене, но при этом, 41% слишком много. Если бы акции покупали в правительстве США или ФРС, то это означало лишь продвинутую и хитрую национализацию, но такие же действия других стран, носящие явно враждебный характер, ухудшат положение рынка... Америка даже может развязать новую войну...

- А во тут вы ошибаетесь, – с покровительственной улыбкой перебил Наклеватко.
- Отчего же? – живо спросил Иванов.

– Если все пройдет как мы планируем, абсолютный контроль над военными поставками в Америке будет в наших руках... Этот момент мы обговорим на саммите через несколько дней, но вам, Эдуард Михайлович, бояться нечего, все—таки во внешней политике я разбираюсь лучше, чем вы.

– Не спорю, однако, в экономике разбираюсь больше я, чем вы... Поэтому меня пугает сама цифра. 41% очень много, снова говорю. Чтобы вы понимали, хотя бы даже 5% чреваты непредвиденными последствиями. И...

- Но ведь этих 5% нет?
- Есть 41%, который близок к непредсказуемым исходам!
- Эдуард Михайлович, у меня есть пару вопросов... – остановил Президент.
- Да?

– Первое. Мы продолжаем решать, кто будет представлять интересы России в этом деле, уже на следующей ступени... Второе. Я бы сказал, что нам архиважно знать все риски, опирающиеся на факты, а не на ваше личное мнение... Поэтому завтра прошу вас быть на Совете безопасности и разложить все по фактам. Хорошо?

- Без проблем, Иван Иванович.
- Тогда до завтра.
- Всего доброго.

Глава IX

Всю ночь Эдуард предавался воспоминаниям обо всех событиях форума. Каждое слово, каждый жест любого участника он пытался восстановить в своей памяти... Он набрел на одну мысль, для развития которой принялся искать тексты официального решения форума и отдельных стран. Прошерстив десятки страниц, Эдуард отобрал несколько подходящих для него положений. Теперь надо поработать с переводом. К несчастью, онлайн—переводчик даже в середине XXI века не стал более развитым (та же проблема, как и пробки в крупнейших

городах), поэтому Баникин мучался с сонливостью и, плохим для осмысления, текстом. Все же к 2 часам ночи Эдуард пришел в крайнее возбуждение от открытого и пошел спать, продолжая урывками думать о своих находках.

Утром, точнее в 11 часов, Эдуард проснулся, быстро перекусил приготовленными домработницами (их было двое, но они часто менялись) завтраком и помчался к Орловой.

Вбежав по лестнице на 8 этаж, который занимало Управление кадровой политики, немного отдышавшись и приведя свои мысли в порядок, Эдуард гордо вошел в приемную, кивнул секретарю и, не спрашивая ни о чем, открыл дверь в кабинет.

– Извините, что я без предупреждения, дело чрезвычайной важности!

– Добрый день, Эдуард, – пытаюсь скрыть свое удивление, поприветствовала Орлова.

– Я к вам рассказать о форуме и о том, к каким выводам я пришел...

– Ты выглядишь усталым, может кофе?

– Не откажусь...

– Елизавета Николаевна, – после первого глотка напитка сказал Эдуард, – Вы были правы про сюрпризы!

– Да?

– Абсолютно! Хотя я и нарушу государственную тайну, но я надеюсь на вас, мне надо поделиться с понимающим меня человеком.

– Пожалуйста, пожалуйста, – заинтересовалась Орлова.

– На форуме было решено обвалить экономику США, сделать это... – тут Эдуард рассказал всю историю своего пребывания в Женеве, не упустив подробностей о разговорах с переводчицей (не сообщил только о недвижимости в Швейцарии), о разговорах с кардиналом и, собственно, о самом заговоре со всеми подробностями. – ...Вчера я рассказал Президенту и министру это же и сообщил о своих опасениях, это и угроза новой войны, и обвал экономики и стран—участниц, и самой Америки, и, возможно, иные непредвиденные, ужаснейшие последствия.

– Круто.

– И все?

– Это действительно круто.

– Знаете, что самое страшное?

– Что?

– Президент пригласил меня на Совет безопасности, намекнув на то, что процессом буду руководить я... Поэтому всю ночь я занимался переосмыслением и аналитикой... К какому же выводу я пришел?

– И к какому же?

– Во время разговора с председателем Швейцарского банка к нам подошел представитель Португалии, спросивший о, кажется, каких—то десяти миллиардных вложениях. Во время обеда я сидел вместе с португальцами и испанцами, председатели этих делегаций пожаловались на предстоящие расходы, но одернули друг друга, ибо никаких расходов вроде бы официально и нет! Я вновь посмотрел на текст решений конкретных стран и понял... Португалия, Нидерланды, Дания, Италия, Венгрия, Швейцария и Австрия работали в одном секторе! И в тексте итогового решения были чисто формальные договоры...

– Договоры.

– ...формальные договоры, ни в одном из которых не содержалось и намека на даже полумиллиардный расход! А что такое десять миллиардов для 7 стран? Это семьдесят миллиардов!

– Ты к чему ведешь? – серьезно спросила Орлова.

– Эти страны решились на такую же игру, не зная о том, что более крупные игроки рынка играют на том же поле! А знаете, что это означает? – Орлова повернула голову, выражая желание услышать ответ. – Это означает, что под контролем двух лагерей, состоящих из европейских стран, окажется более 50% корпораций, ключевых для экономики США! Это погубит, уничтожит все, но не только в Америке, ибо само открытие заговора, его публичность, приведет к ужасному кризису!

– Ну, тут ты замахнулся! – не веря в истину слов Баникина, сказала Орлова. – Мировой кризис – это слишком сильно, такого не может быть.

– Это финансовый мир! Здесь не важна математика и вероятность, тут все решает подача информации.

– Да неужели в США не узнают о заговоре? Это, на мой взгляд, элементарно...

– Об этом заговоре и так знает крайне мало человек. Главы государств, главы внешнеполитических ведомств этих государств, министры финансов или председатели банков, а также руководители делегаций стран на форуме, ну еще и вы, теперь...

– Вот именно, – слабо улыбнулась Орлова, принявшая задумчивый вид. – А как же акции будут приобретаться, неужели руководство компаний не будет знать цель покупки?

– Думаю, все будут убеждены в том, что только их компания совершает подобную сделку.

– А если в американских корпорациях заметят подобную активность ценными бумагами?

– Это обычное биржевое дело... Слишком много, думаю, будет задействовано компаний, подозрений точно ни у кого не возникнет... Но игра двух команд на один результат станет сюрпризом для всех!

– Ты слишком не волнуйся, может быть, все не так, как тебе кажется...

– Посмотрим, Елизавета Николаевна, посмотрим... Я сейчас еду в Кремль. Попытаюсь донести до них все риски.

– Сейчас мне становятся понятны желания Игоря Сергеевича по представителю в ООН... – прошептала Орлова. – Ладно, Эдуард, вновь желаю тебе удачи, но все же, пусть ты будешь не прав.

– Я тоже на это надеюсь, но волнуюсь очень сильно... Что—то произойдет...

– Позвони мне, как закончишь.

– Хорошо... Но помните, Елизавета Николаевна, все, что я сказал, не просто государственная, а мировая тайна!

– Без проблем.

Обеспокоенный Эдуард вышел из кабинета под удивленный взгляд секретаря. Эдуард улыбнулся ей, попрощался, спустился вниз и поехал в Кремль, благо тот располагался по соседству.

На Совете безопасности присутствовали: Президент, премьер—министр, министр иностранных дел, Председатель Федерального Банка, Эдуард и еще 5 человек, серьезно разбирающихся в вопросах нацбезопасности.

После короткого вступления Иванова, сообщившего всем, что сегодня прозвучит вещь, тайну которой сохранить все просто обязаны, Президент представил собравшимся Баникина и пригласил его рассказать обо всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.